

А н д ж е й
И к о н н и к о в - Г а л и ц к и й

ДЕКАБРИСТЫ

ИСТОРИЯ,
СУДЬБА,
БИОГРАФИЯ

АЗБУКА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47
И 42

Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-29820-0

© Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2025
© Государственный исторический музей,
2025
© А. А. Иконников-Галицкий, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

Часть I

МЕЖДУ ПРЕСТОЛОМ И ВИСЕЛИЦЕЙ

ЗНАКОМЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ

Есть такие исторические явления, о которых нам ещё со школьной скамьи всё вроде бы известно.

Например, декабристы: о них написаны тома исследований, повести, поэмы и романы, сняты фильмы, поставлены пьесы, спеты песни и даже сочинены анекдоты. Что можно ещё добавить?

Казалось бы, мы о них всё знаем. «Любовь к добру разбередила сердце им...»

А что, собственно, знаем?

Сколько их было? Кто они такие? Чего добивались? И за что пятеро из них были повешены, а другие на десятилетия отправлены в каторжные норы, тюрьмы и ссылку?

Ни на один из этих вопросов, как оказывается, нет ясного ответа.

Для начала: сколько их было?

Обвинительный приговор Верховного уголовного суда от 10 июля 1826 года вынесен в отношении 120 «злоумышленников, открывшихся 14 декабря 1825 года». Ещё с полсотни человек осуждены другими судами по делам, так или иначе связанным с декабрьскими событиями. Это если считать только дворян, количество же осуждённых солдат не поддаётся определению (среди них, заметим, некоторое, и тоже не вполне ясное, количество бывших офицеров, разжалованных в солдаты). Наказаниям помимо суда — заключению на гауптвахте, ссылке в свои имения, переводу

с понижением по службе и тому подобным — подвергнуто около сотни. Проходили по делу, но от суда избавлены ещё примерно столько же. Причём в составе последних двух категорий, то есть избежавших суровой кары, есть деятельнейшие участники движения, такие как генерал Михаил Фёдорович Орлов, полковник Иван Бурцев, полковник Фёдор Глинка; есть и явные мятежники 14 декабря — например, граф Иван Коновницын или князь Александр Гагарин. В то время как среди осуждённых имеется немало лиц, вовсе не причастных к событиям того рокового дня, равно как и тех, кто не участвовал ни в каких тайных обществах. Наконец, неопределённое количество персон, которых можно было обвинить в том же, за что осудили других, вообще не попали в поле зрения суда и следствия. Неизбежен вопрос: кого же считать декабристом, а кого — нет? Случайно оказавшегося 14 декабря на Сенатской площади и осуждённого лейтенанта Окулова — или случайно оказавшегося там же и освобождённого от наказания лейтенанта Цебрикова?* Осуждённого Николая Оржицкого, принадлежность коего к движению заключалась единственно в том, что он, зайдя 13 декабря к Рылееву, услышал нечто о мятежных планах и до утра 14-го не донёс об этом куда следует, — или убеждённого адепта Южного общества Льва Витгенштейна, осуществлявшего слежку за собственным отцом-генералом, но признанного «неприкосновенным к делу»?

Такого рода вопросы возникают в отношении доброй половины лиц, замешанных в событиях рокового декабря. А единомышленники и сочувствующие, лишь по стечению обстоятельств не угодившие под суд, — их кем считать и как сосчитать?

Нам остаётся только развести руками и признать, что в списке декабристов может быть от одной-двух сотен до одной-двух тысяч фамилий.

* Не путать с братом, поручиком лейб-гвардии Финляндского полка Цебриковым.

Недурно было бы, во-вторых, дать если не точное определение, то хотя бы внятное объяснение самого понятия «декабрист». (Кстати, термин этот был многим декабристам неведом: в широкий оборот его ввёл А. И. Герцен через три десятилетия после событий декабря 1825 года.) Однако и тут мы сталкиваемся с трудностями. Всех, кого принято именовать декабристами, никак не удаётся подвести под один знаменатель.

Перед нами совершенно разные люди, и всё у них разное: образование, положение в обществе, чины, интересы, взгляды, жизненный опыт, способности и таланты... Большинство офицеры, но есть статские и неслужащие. Одни — аристократы высшей пробы, другие с натугой могут насчитать два-три поколения «благородных» предков. Близкие к трону — и заурядные служаки. Первостатейные богачи — и бедные, как церковные крысы. Счастливицы с блистательными карьерными перспективами — и горемычные неудачники. Безответственные авантюристы — и Катоны, проникнутые чувством долга. Альтруисты — и себялюбцы. Праведники — и грешники. Умники — и сумасшедшие.

Пожалуй, только две общие черты можно обнаружить: принадлежность к дворянскому сословию* и уверенность в необходимости коренного переустройства России.

Ни общепринятой идеологии, ни внятной политической программы, ни чёткого представления о целях и задачах совместного действия.

— Как же так, — воскликнет просвещённый читатель, — а конституционный строй? А гражданские права? А планы освобождения крестьян? Как же, наконец, Конституция Никиты Муравьёва и «Русская правда» Пестеля? Это ли не политические программы двух направлений в декабристском

* Среди осуждённых различными судами по делам, связанным с декабрьскими событиями (не считая солдат), имеется лишь один представитель мещанского сословия и один священнослужитель; остальные — дворяне.

движении — умеренно-конституционно-монархического и радикально-республиканского?

Нет, — ответим мы, прочитав внимательно оба документа, — это не политические программы.

— А что же это?

Хороший вопрос. Ответить на него так же непросто, как и на все прочие вопросы о декабристах.

«Русская правда» — произведение незаконченное. Пестель постоянно вносил в него изменения и, очевидно, собирався править и в дальнейшем. Уже по этой причине «Русскую правду» нельзя считать руководством к действию. В жанровом отношении она — нечто среднее между философским трактатом, социальной утопией и публицистической поэмой. Некоторые её положения мечтательно-теоретичны и более подходят для проповеди зануды-пастора, чем для политического документа; некоторые заведомо неисполнимы на практике. Например, переселение военной силой всех евреев из России и Польши куда-то в «Азиатскую Турцию» и создание там еврейского государства. Или превращение всех сибирских кочевников и охотников в оседлых земледельцев. Или всеобщая депортация «буйных» кавказских народов. На осуществление подобных проектов не хватило силёнок даже у тоталитарных режимов XX века, что уж говорить о реальных возможностях тогдашнего государства Российского, хоть бы его главою и сделался Пестель. К тому же стиль «Русской правды» многословен, язык суконен. Чтобы прочитать её, нужно набраться терпения и иметь порядочный досуг, что обычно плохо согласуется с политическим действием.

Что касается Конституции Муравьёва, то написана она именно в пик у Пестелю, с которым у «беспокойного Никиты» сложились отношения острого соперничества. Пестель хочет республики — Муравьёв возвещает монархию. Пестель утверждает территориальное единство — Муравьёв режет страну на 15 ломтей (13 держав и две области). И так далее. Оба документа, однако, сходятся в том, что ставят

далёкие от реальности цели и никоим образом не указывают пути их достижения.

Наконец, это не политические программы просто потому, что их содержание было известно сравнительно узкому кругу участников движения: нескольким десяткам из сотен.

К этим документам мы ещё вернёмся в главах о Пестеле и Муравьёве. Теперь — ещё об одном, казалось бы, ясном вопросе: об отмене крепостного права.

Действительно, все (или почти все) декабристы сходились на том, что крепостное право есть рабство и крестьянам нужно дать волю. Сходились, правда, в теории, в самых общих представлениях. На вопросы «когда?» и «как?» ответы предлагались совершенно разные, а большинство и вовсе не давало внятного ответа.

В Российской империи с 1803 года действовал закон Александра I «Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий на обоюдном согласии основанных» (в обиходе — «Указ о вольных хлебопашцах»). Согласно закону, ничто не препятствовало барину освободить своих крепостных, заключив с ними (с отдельными лицами или с целой общиной) договор, основным содержанием которого являлся выкуп и раздел земельной собственности. Хотя большинство будущих декабристов по молодости лет являлись лишь наследниками родительских поместий, было среди них немало полноправных землевладельцев. Были и крупные хозяева, вершители судеб сотен крепостных. Никто из них не воспользовался вышеназванным законом.

Правда, попытки имели место.

Например, декабрист Якушкин. Человек честный, исключительно благородный, настоящий рыцарь добра и свободы (так характеризуют его современники), он унаследовал средней руки имение в Вяземском уезде Смоленской губернии и захотел осчастливить своих крестьян. С этой целью он вышел в отставку и поехал жить в деревню. И вскоре решил дать людям волю — без земли, с правом последующей аренды. Со своим предложением он, как того требовал

закон, обратился к крестьянам. Те обрадовались, но потом хорошенько подумали и ответили:

— Нет уж, батюшка барин, на таких условиях мы воли не хотим. Пусть будет всё по-прежнему. Ты — отец наш родной, за тобою нам как-то спокойнее.

Тем дело и кончилось.

Декабрист Лунин (заметим: неженатый и бездетный, никакими материальными обязательствами не связанный) поступил не столь простодушно. Он завещал свои имения двоюродному брату с условием, что тот освободит крестьян в течение пяти лет после вступления в наследство. То есть сохранил за собою пожизненно права помещика и переложил проблему на ни в чём не повинного родственника. Но завещание не сработало, поскольку Лунин был осуждён на каторгу и лишён имущественных прав. А если бы не был осуждён и не умер в тюрьме, то вполне мог бы дожить до всеобщего освобождения крестьян при Александре II, и завещание потеряло бы смысл.

Как видим, в обоих случаях планы декабристов разбиваются о реальность.

А почему?

Всё дело в наделении крестьян землёй. Если помещик даст им земли достаточно, за скромный выкуп или даром, то ему самому станет нечем жить. А у него жена, дети, собака, кошка, лошадка и всё такое прочее; а у детей свои планы на жизнь, сыновьям нужно содержание, дочерям приданое... ну, и так далее. Если же даст земли недостаточно или задорого, то крестьяне пойдут по миру или, вернее, к своему же барину внаймы на кабальных условиях. При этом если раньше он нёс за них ответственность перед государством, то теперь нести не будет. Зачем им такое счастье, да ещё за выкуп?

О земельный вопрос разбивались все планы отмены крепостного права вплоть до реформы 1861 года. Но и сия последняя привела к долговой кабале и существенному со-

кращению земельного фонда свободных крестьян по сравнению с тем, что было в их же пользовании до освобождения, при барине. И это породило проблему крестьянского малоземелья и в конечном итоге стало одной из главных предпосылок революции. А революция, как известно, безжалостно уничтожила всех дворян как класс, в том числе и потомков декабристов.

Поэтому немудрено, что в среде будущих героев и жертв 14 декабря не было ясности по поводу осуществления крестьянской вольности.

Возникает ощущение, что решение этого вопроса они вообще старались отодвинуть куда-нибудь. К примеру, в Конституции Никиты Муравьёва содержится что-то около сотни статей о принципах и структурах государственной власти и лишь четыре статьи о земле и крестьянах. Причём в этих статьях перво-наперво сказано: «Земли помещиков остаются за ними» (статья 24). А про всё остальное сказано: «Последующие законы определяют» (статья 26).

Подобная невнятица и несогласованность имели место и по другим вопросам, вплоть до таких ключевых, как цареубийство и военный мятеж с целью захвата власти. Больше всего споров было как раз об этом. Каждый раз находились ярые сторонники и убеждённые противники того и другого. И что самое интересное, к единому мнению наши вольнодумцы не пришли не только к моменту восстания, но и после него.

Притом люди-то это всё бывалые и решительные, не какие-нибудь очкастые интеллигенты, в основном — офицеры, привыкшие командовать солдатами, отмаршировавшие сотни вёрст на плацу и в походах. Они хорошо владели разными видами оружия. Многие из них побывали в кровопускательных и костедробительных сражениях Наполеоновских войн и имели за это награды. Для них ничего не стоило на дуэли стать на шести шагах под пистолетное дуло. Жертвовать собой, когда того потребуют высшие обстоятельства, было их наследственным занятием.

И наряду с этим — полная неспособность (или нежелание) принять единый план действий даже в критической ситуации.

И вопиющая неясность целеполагания. На вопрос: «К чему мы стремимся?» — ответ: «К свободе и общему счастью», и ничего более конкретного.

Да-с. наших школьных знаний о декабристах явно недостаточно.

Так кто же были эти люди?

* * *

При всей неоднородности декабристской среды, в ней всё-таки можно выделить две неравные группы. Первую составляет несомненное большинство, они возвращаются в высшем свете, господствуют в чинах, да и всё движение инициировано и направляется ими. Их можно было бы назвать приятелями Онегина. Вторая — провинциальная армейская молодежь, из небогатых и незнатных, но это куда более решительная, последовательная и сплочённая братия. Их мы назовём сослуживцами Ивана Фёдоровича Шпоньки.

Покамест сосредоточимся на первой группе. Что же мы видим при внимательном изучении? Мы видим людей, соединённых бесчисленными родственными, служебными, землевладельческими и приятельскими связями.

В так называемой Десятой главе «Евгения Онегина» очень точно про них сказано: «Сбирались члены сей семьи». И это не просто метафора дружеского круга, а действительно такая большая семья, в которой все друг другу родственники, свойственники, соседи или друзья дома. Скажем, декабрист Захар Чернышёв — шурин Никиты Муравьёва. А Михаил Лунин — Никите и Александру Муравьёвым двоюродный брат. И у этих Муравьёвых общий прапрадедушка с Муравьёвыми-Апостолами, Сергеем, Матвеем и Ипполитом, то есть они состоят в четвероюродном родстве. А троюродная сестра Муравьёвых-Апостолов Екатерина Ивановна, урождённая Вульф, в замужестве Полторацкая, — мать Анны

Петровны Керн, той самой, с которой немножко дружил Пушкин. А Пушкин последние два года жизни снимал квартиру на набережной Мойки, в доме, принадлежавшем княгине Софье Волконской, сестре декабриста князя Сергея Волконского и жене князя Петра Волконского, вельможи, близкого к особе императора. Причём лет за двенадцать до Пушкина в этом же доме квартировал декабрист Завалишин. А сестра поэта Кюхельбекера, лицейского друга Пушкина, Устинья Карловна, была замужем за Григорием Глинкой, который приходился двоюродным братом Фёдору Глинке, тоже поэту и одному из основателей декабристских тайных обществ. А жена декабриста Якушкина — дочь тётки поэта Фёдора Тютчева и сестра участника тайных обществ Алексея Шереметева (избежавшего, правда, суда и наказания). А бабка по матери декабриста князя Александра Одоевского — также и двоюродная бабка декабристов Фёдора и Александра Вадковских. И так далее.

Желающие могут самостоятельно поупражняться в исследовании родственных связей лиц декабристского круга. Занятие весьма увлекательное.

Родственные связи в дворянском обществе были вовсе не номинальными, а весьма обязывающими. Если где-нибудь на почтовой станции или на званом обеде встречались два незнакомых помещика, то они первым делом начинали выискивать общих родственников (это называлось «сочислаться роднёй»). Родственники и свойственники связаны многими неписаными обязательствами. Младшим в семье следует почитать старших, старшие и чиновные должны защищать младших и продвигать по службе; это их долг и основа влияния в обществе.

Родственные и служебные связи тянутся далеко за пределы собственно декабристского сообщества. Можно смело сказать, что подножие самого престола, на котором восседал государь император, было оплетено этими нитями, как густой дерниной. Наверное, у каждого, или почти у каждого, будущего декабриста «онегинской» группы имелись родственники, свойственники, однокашники и сослуживцы

в кругу высшей аристократии, в окружении царя. Вряд ли ошибёмся, если скажем, что царь знал почти каждого из них в лицо и по фамилии. И уж точно каждый декабрист хотя бы раз своими глазами видел государя. Образно говоря, каждый из них стоял на расстоянии вытянутой руки от престола и от священной особы императора. Их отношения с верховной властью были тоже по-своему семейными. И это давало почву всяким надеждам и амбициям.

Кстати говоря, судьи, выносившие приговор декабристам (а их было в Верховном уголовном суде 72 человека), тоже зачастую приходились родственниками, свойственниками и сослуживцами подсудимым.

Декабристское сообщество — это большая семья, которая является частью ещё большего семейственно-кланового целого. Отношения декабристов между собой и с самодержавной властью, да и вообще многие мотивы их поступков и ответных действий власти обусловлены этой семейственностью. Нам они бывают непонятны, поскольку мы не посвящены в их семейные тайны.

В частности, нам не всегда ясны особенности их семейной иерархии.

В старомосковские времена в служилой боярско-дворянской среде была выработана система взаимоотношений, получившая название «местничество». По её правилам честь (то есть социальный статус человека) определялась тем, до какой ступени поднимались родственники и предки на лестнице государевой службы. Причём внук, допустим, мог «честно» служить «ниже» деда, но только в том случае, если рядом не стоял «выше» тот, чей дед служил «ниже» его деда. (Кажется, понятно объяснил.) Если же данное правило нарушалось, то следовали конфликты, жалобы, тяжбы, вызванные «порухой чести». Иногда дело заканчивалось даже болезнью и смертью от обиды.

Формально принципы местничества были упразднены ещё при царе Фёдоре Алексеевиче, предшественнике Петра Великого. Но они вовсе не искоренились из представлений русских дворян о миропорядке.

Всех, кто знаком с тем, как развивались события накануне 14 декабря, удивляет выбор руководителей восстания, равно как и их поведение в решающий момент. Верховный вождь и наречённый диктатор — полковник князь Сергей Трубецкой, человек, лишённый начальственной харизмы; он даже не вышел на площадь, не присоединился к восставшим. Его заместитель, гвардии поручик князь Евгений Оболенский, тоже оказался непригоден к роли лидера мятежников. И ведь заранее было ясно, что ни в Бруты, ни в Бонапарты они не годятся. Почему же предводителями выбрали именно их?

Тут, конечно, сошлись разные мотивы, явные и не очень. Но есть один скрытый, на который сто́ит обратить внимание. По местническим, то есть родовым правилам князь Трубецкой стоял выше всех участников заговора. Двое из его рода были ближними боярами при царях Фёдоре Ивановиче и Алексее Михайловиче, прадед — генерал-фельдмаршал, а один дальний родственник даже соперничал с Михаилом Романовым как претендент на московский престол. К тому же по матери предки князя Сергея были грузинские цари. Среди декабристов никто не мог тягаться с Трубецким в родovitости. И никто не мог оспорить его право на место главы предполагаемого Временного правительства. Ему и на площадь-то выходить не надо было — как когда-то наречённому на царство Михаилу Романову «невместно» было ехать в разорённую Москву. Дело сделают нижестоящие, а ему достойно будет принять готовую власть. Тем более что есть следующий по иерархии — князь Евгений Оболенский, Рюрикова рода, чьи предки когда-то служили не ниже Трубецких, но потеряли чины в опале и давным-давно не поднимались выше окольных*. Ему и командовать на свежем декабрьском воздухе.

* *Окольный* — до реформ Петра I придворный чин ступенью ниже думного боярина. Из кандидатов в декабристские лидеры с Оболенским мог потягаться знатностью князь Сергей Волконский (о нём — в части V), но он нёс службу вдалеке от Петербурга.

Конечно, мы не думаем, что участники заговора именно так формулировали свои мысли. Но понятия о служебно-родовой чести, как и обязательства родства, были у них в крови и явно или подспудно определяли многие поступки.

Отчасти тут и разгадка одной из загадок судебного приговора: почему казнены были не участвовавший в восстании Пестель и мимоходом промелькнувший на Сенатской площади Рылеев, а Трубецкому и Оболенскому сохранили жизнь (притом что Оболенский успел кольнуть штыком генерала Милорадовича и доподлинно неизвестно, отчего тот умер — от пули Каховского или от штыка Оболенского). Судьи из того же семейственного круга не сочли возможным вынести устрашающий приговор — четвертование! — своим братьям, занимавшим столь значимое место в родовой иерархии; царь это понял и заменил смерть каторгой. Другое дело Пестель, который не мог указать предков-дворян в пятом поколении, или Рылеев, чьи предки не поднимались по службе выше губернатора. Вот их-то и повесить.

К вынесенному приговору мы ещё будем возвращаться. Теперь другое важное наблюдение.

Декабристы, конечно, были до мозга костей русскими дворянами — даже и те, кто по происхождению не был русским. Но в плане светского воспитания и книжного образования они столь же решительные западноевропейцы. По крайней мере, хотели видеть себя таковыми.

Особенность жизни русских дворян той эпохи — национально-культурная и языковая двойственность. С малолетства их растили крепостные кормилицы, дядьки, няньки, не знавшие других языков, кроме русского. Гувернёры же и гувернантки, а зачастую и родители вели общение на иностранных языках, в первую очередь по-французски. Повзрослев, юные дворяне поступали чаще всего в военную службу и разговаривали с солдатами, разумеется, на самом суровом диалекте русского языка. А книги читали почти исключительно французские, реже немецкие или, на худой конец, переводные с этих языков. Тогда в европейской литературе был в моде романтизм, в общественной мысли — либера-

лизм. А тут ещё Наполеоновские войны и заграничный поход 1813–1814 годов, познакомивший многих русских офицеров с европейским блеском и лоском. Немудрено, что романтические настроения и отголоски либеральных идей вкупе с русской сумбурной натурой определили образ мыслей декабристов.

Декабристы — бесспорно люди европейского образования, но (за редкими исключениями) довольно бессистемного и поверхностного. Князь Сергей Волконский обучался в Петербурге, в самом привилегированном частном учебном заведении того времени — пансионе аббата Никóля, и отзывался об этом так: «Заведение славилось как лучшее, но по совести должен... высказать... что преподаваемая нам учебная система была весьма поверхностна и вовсе не энциклопедическая». Это он писал на старости лет, пройдя суровую школу жизни, так что ему можно поверить. Подобные пансионы, а также домашние гувернёры и гувернантки давали юным русским дворянам вовсе не образование, а воспитание, причём именно «блестящее», то есть умение прекрасно говорить и стройно мыслить на нескольких европейских языках, танцевать, музицировать, идеально вести себя в обществе, владеть собой, быть честными, ответственными и так далее. Эти качества декабристы сохранили до старости лет, пройдя войны, каторжные тюрьмы и сибирскую ссылку. Но с образованием как упорядоченной суммой знаний дело обстояло гораздо хуже.

Системное образование в России традиционно давали в духовных школах, но оно было сословным, в основном для сыновей священнослужителей. Декабристами и людьми их круга оно воспринималось как нечто архаичное или даже как невежество. Декабрист барон Розен не без издёвки вспоминал, как председатель Следственной комиссии пожилой генерал А. И. Татищев добродушно пенял подсудственным, указывая на свои ордена: «Вы, господа, читали всё — и де Траси, и Констана, и Бентама — и вот куда попали, а я всю жизнь мою читал только Священное Писание,

и смотрите, что заслужил». Эту сценку всегда приводят как иллюстрацию просвещённости декабристов и невежества их судей. Однако стоит заметить: во времена Татищева не существовало перевода Писания на русский язык, стало быть, он пользовался церковнославянским текстом. Я бы советовал благосклонному читателю попытаться одолеть по-церковнославянски хотя бы одну из книг Библии. Это труд, требующий терпения и многих специальных знаний, и просвещает, во всяком случае, не меньше, чем штудирование Константа или Бентама. Не уверен, что большинство «передовых» дворян декабристского круга прочло церковнославянскую Библию от альфы до омеги (вернее, от аза до ижицы).

Притом, как совершенно верно отметил Пушкин, «учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь». Так написал поэт, который обучался в лучшей дворянской школе тогдашней России — в Царскосельском лицее. Между тем, будучи современниками крупных военно-политических событий и находясь близко к центрам принятия исторических решений, будущие декабристы ощущали себя действующими лицами исторического процесса и наверняка соотносили текущие события с событиями прошлого. А откуда они могли про это знать? Из французских и немецких книг, а также из немногих русских, написанных в подражание тем*. Древнюю историю им заменяли французские переводы античных авторов, главным образом Плутарха и Тацита. Пред мысленным взором декабриста возникали выпренные, театральные образы персонажей баснословного прошлого: Брут, Цезарь, Катон, Цицерон, братья Горации и так далее. Из плохо известной русской истории — балладные Вещий Олег, Святополк, Рогнеда, Мстислав Удалой, князь Курбский... На эти темы Рылеев написал сборник стихов под названием «Думы», о котором Пушкин прямо отозвался: «Думы — дрянь!»

* Историческая наука в России только зарождалась, и даже Карамзина смогли до декабрьских событий прочитать далеко не все декабристы.

Контрапунктом к этим условно-книжным картинам служили реальные исторические примеры из недавнего прошлого. Прежде всего Наполеон, чей образ вдохновлял и пугал одновременно: защитник свободы и тиран, вершитель судеб мира, капрал в походном мундире, «пред кем унизились цари»... «Мы все глядим в Наполеоны» — слова вдумчивого наблюдателя Пушкина могут быть напрямую отнесены к Пестелю, Рылееву, Сергею Муравьёву-Апостолу... Этот последний открыто восторгался ещё одним боевитым современником — Рафаэлем Риго, предводителем военного мятежа в Испании, вначале блистательно победившим, но в итоге повешенным.

О Наполеоне, Риго, Кирогe, Боливаре, Александре Ипсиланти и подобных героях своего времени в декабристских кругах говорили много и громко. Гораздо тише вспоминали о переворотах в России в июне 1762-го и в марте 1801 года. Однако же события эти имели для декабристов особенное значение и, может быть, вдохновляли на подвиг более, чем примеры Брута и Наполеона. Ведь именно дворянство (и именно тот его слой, к которому принадлежало большинство будущих декабристов) дважды решило судьбу престола, переступив через труп самодержца. Длительные царствования Екатерины II и Александра I, начавшиеся с переворотов, сопровождаемых цареубийством, считались легитимными, а краткие правления убиенных Петра III и Павла как будто бы нелегитимными. Таким образом в сознании многих представителей дворянской элиты утверждалась мысль: дворянство выше самодержавия. «Лучшие дворяне» вправе устранять плохих монархов и определять образ правления.

У многих декабристов, если хорошенько поискать, нашлись бы родственники, участвовавшие в том или другом перевороте. Например, отец и три дядюшки вышеупомянутого Михаила Орлова были ключевыми деятелями екатерининского переворота; в заговоре против Павла I участвовали Иван Муравьёв-Апостол, отец трёх декабристов, и их

же свойственник Константин Полторацкий. Тем удалось — почему бы и этим не попробовать?

Котурны театрального Брута по ходу пьесы превращались в офицерские ботфорты, которыми был насмерть забит император Павел.

Постоянно повторяя вычитанные из французских книг либеральные обороты речи — о свободе, естественном праве, народовластии и прочем — и искренне веруя в них как в формулу истины, — наши герои удивительным образом не применяли на практике сии декларации к собственному народу. Офицеры-декабристы вывели своих солдат под картечь на Сенатскую площадь, под пули близ Василькова; они долго готовились к таковым действиям, завоёвывая авторитет у подчинённых, стремясь добиться преданности и безусловного повиновения. Но никому из этих офицеров (кроме, кажется, лейтенанта Арбузова и некоторых молодых членов Общества соединённых славян) не пришло в голову обсудить со своими солдатами цель действий. Равно как декабристам-помещикам — всерьёз поинтересоваться у крепостных, на каких именно условиях те готовы получить волю.

Увы, приходится признать: любя нижестоящих и желая им всяческих либеральных благ, наши борцы с властным произволом готовы были использовать этих нижестоящих как расходный материал для достижения великих целей.

ДОРОГА К СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ

История декабристского движения начинается с образования в офицерской среде так называемых тайных обществ. В настоящем смысле слова тайными, то есть строго конспиративными, организациями они не были, а наименование получили по аналогии с масонскими ложами, от которых заимствовали некоторые особенности устройства. Заметим, что масонские общества именуются тайными не по-

Иконников-Галицкий А.

И 42 Декабристы : История, судьба, биография / Анджей Иконников-Галицкий. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 640 с. + вкл. (32 с.).

ISBN 978-5-389-29820-0

14 декабря 1825 года — мятеж на Сенатской площади — одна из ярчайших страниц русской истории. Однако до сих пор, спустя 200 лет, не утихают споры о причинах, плане, ходе и итогах восстания. Было ли это масштабным выступлением дворян-единомышленников, стремившихся осуществить государственный переворот, — или всего лишь «происшествием», как называли восстание в официальных источниках? Приблизиться к пониманию феномена движения декабристов, не прибегая к готовым идеологическим трактовкам, помогает изучение биографий его участников.

Эта книга посвящена судьбам 120 декабристов, осуждённых Верховным уголовным судом. В ходе следствия, которым руководил лично император Николай I, 117 мятежников признались в совершённом преступлении, большинство из них ожидали тюрьма, каторга и ссылка, пятеро были приговорены к смертной казни. Кто же были эти люди, кого из них мятеж вёл к вершинам власти, а кто оказался случайно вовлечён в водоворот политических событий? Как складывалась жизнь декабристов до и после 1825 года, кто из них сумел преодолеть все тяготы наказания, а кто не выдержал суровых испытаний и отчаялся? — об этом в новой книге известного петербургского историка Анджея Иконникова-Галицкого.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

АНДЖЕЙ АНДЖЕЕВИЧ ИКОННИКОВ-ГАЛИЦКИЙ
ДЕКАБРИСТЫ:
ИСТОРИЯ, СУДЬБА, БИОГРАФИЯ

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Екатерины Мишиной, Дмитрия Кабакова
Компьютерная вёрстка Ирины Варламовой
Корректоры Наталья Бобкова, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.10.2025.
Формат издания 60 × 84 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 39,06 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@articus-group.ru	E-mail: sales@articus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.articus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-NFF-38954-01-R